

Майор Иван Потёмкин ехал из Чечни домой, в отпуск.

Отпуск был очередной, но не вовремя: месяц как началась вторая кампания, войска медленно, но надёжно обкладывали Грозный, и вдруг вызвал комбат и, не глядя в глаза, какие-то бумажки на столе перебирая, приказал:

— Съезди домой на десять суток, тихо у нас будет недели две. Нервы подлечи, отоспись. Можешь водки попить...

«При чём здесь мои нервы?» — подумал тогда Иван. Комбат и сам-то, бывали дни, по-русски ни одного нормального слова, мат сплошной. Но перечить не стал и язык прикусил: три дня назад комбат сам видел, как он — «Пальцы на броню, сука!» — кувалдой отдубасил их пленному: «Теперь иди воюй!»

А что было делать, если этот угрюмый и наглый бородач добрых слов ну никак не

понимал? Даже прапорщик Казанцев, известный тем, что у него любой пленный ваххабит, как кто-то засекал на спор, чуть ли не на пятой минуте допроса просил принять его в христианство, не смог его расколоть. Нормальный с виду мужик этот Казанцев, до пленных даже и не дотрагивался, но так умел с ними тихонько говорить — две пары волчьих глаз друг на друга, — что пленные после этого как-то подозрительно быстро начинали строчить показания в тетрадке целыми страницами, даже номера автоматов в банде вспоминали.

В офицерской палатке батальонной столовой Потёмкин, ковыряя густую перловую кашу с надоевшей тушёнкой, услышал сзади:

— Ну, как твой, быстро раскололся?

— А куда он денется? Пообещал ему зубы напильником почистить, так и заговорил.

В палатку вошли ещё двое, лейтенанты, командиры групп, только что вернувшиеся с «боевых».

— Ну, и дальше что? — спросил один из них, наливая из закопчённого чайника в кружку.

— А ничего, — ответил второй, — постукал его башкой по броне.

— Кого и за что? — хмуро спросил у лейтенанта Потёмкин.

— Артиллериста, товарищ майор. Я уходил — он спит, вернулся — опять спит. А огонь нужен был срочно: в засаду попали. Вызываю этого тетерева по радио — ни звука! Еле ушли! А он спит, понимаешь. Вот и постукала...

— Ну, это за дело... — сказал Потёмкин. И подумал: «Звереем...»

Второй лейтенант, отхлебывая из кружки горячий чай, стал рассказывать:

— А мы сидим у перекрёстка в квадрате «Рысь», вдруг вижу: КамАЗ едет. Остановился, вылезли человек двадцать, достали свои шланги... Я смотрю в бинокль — да это же негры! К «чехам» на подмогу ехали, скорей всего. Быстро вызвал залп «Градов», через две минуты — ни КамАЗа, ни этих негров. Но какой кайф был это видеть, ты бы знал... У меня боец бегал посмотреть. Вернулся — одни, говорит, клочки по кустам...

«Звереем... — опять подумал Потёмкин, когда услышал, с каким удовольствием этот лейтенант рассказывает... — И войны ещё только начинается...»

— Мы тоже вчера чёрного взяли, — добавил второй лейтенант. — Сначала подумали, что «чех», но у костра так закоптился, а ножом по щеке поскребли — негр!

— Я, мужики, что-то своей пехоты при возвращении с задания боюсь больше, чем «духов»: какой-нибудь один наш цирк выстрелит, заметив перед собой что-то подозрительное, и понеслось — беспорядочная пальба по всему фронту, — рассказал лейтенант. — Недавно выходим к своим позициям, темно, ни зги не видно. Вижу силуэт — кто-то идёт навстречу, без оружия, а мы лежим. Подошёл ко мне и ширинку расстёгивает. Я ему засунул ствол в ширинку, а то бы он меня обдул...

Засмеялись.

— А мы в позапрошлый раз ухитрились всей группой спрятаться за кустом, прижались друг к другу, «духи» прошли мимо дружной толпой, не заметили, — рассказал другой лейтенант.

Один из лейтенантов снял со столба палатки гитару и негромко, но с чувством запел:

Мы сумрачным Доном
Идём эскадроном,
Так благослови ж нас, Россия-страна.
Поручик Голицын, раздайте патроны,
Корнет Оболенский, надеть ордена...

«Эх, пацаны... — подумал Потёмкин, когда лейтенант так же неожиданно поставил гитару. — Что-то с вами будет через ме-

сяц-два... Ведь в этой песне есть и такие слова: „За что же мы дрались, поручик Голицын, и что теперь толку в моих орденах...”»

Отпуск у Потёмкина по графику должен был быть в сентябре, но начались сборы на Кавказ, а когда их разведывательный батальон погрузился в эшелон, стало ясно, что в этом году дома ему вряд ли придётся побывать.

«Ничего, справимся без тебя... Езжай», — сказал Ивану комбат.

В части майор Потёмкин, заместитель командира батальона, чувствовал себя пока как не в своей тарелке: перевели сюда за месяц до отправки, людей знал плохо. Да и круг обязанностей — он отвечал за боевую подготовку — был не по сердцу: война началась, какие уж теперь тренировки, поздно пить боржоми.

«Ну и спрямляйтесь, хрен с вами!» — пихнул Потёмкин и пошёл в строевую часть штаба оформлять отпускные документы.

«Пять часов», — взглянул Иван на свои «командирские», проснувшись от криков за окном. Приподнялся и посмотрел сквозь грязное стекло на улицу. Вдоль вагона шумно бегали тётки и ребяташки с вёдрами яблок и огурцов и криками будили пассажиров, предлагая свой товар. «Господи, какая же ну-

жда так рано вставать, чтобы огурцы свои копеечные продать... — подумал Потёмкин. — До чего же надо довести людей...»

В толпе торговцев его внимание невольно привлёк дедок в стареньком пиджачишке с орденом Славы на засаленном лацкане. Он шкандыбал на деревяшке вдоль вагона, то и дело протягивая к окнам ведро с яблоками. «Как дед», — подумал Иван. Тот тоже вернулся с фронта без ноги и всю оставшуюся жизнь ходил в кузницу с деревяшкой — какие там в деревне были тогда у инвалидов протезы... «Но уж дед-то никогда бы не унизился, чтобы бегать вот так с ведёрком по станции».

Иван невольно вспомнил, как однажды тот, прижавшись ухом к настенному радио, слушал свою любимую песню, «Коробейники», — слёзы горошинами катились по щекам. Дед в молодости был гармонистом и славутником... Иван своим дедом, да и працедами, гордился: основателем династии был денщик самого князя Потёмкина, от него и получивший фамилию. По семейному преданию, этот предок хаживал со светлейшим князем аж до Крыма, турок бить.

А недавно племянница Ивана, Ольга-историк, раскопала в архиве, что их ещё более давним предком был Вьялица Кузьмич По-

тёмкин, дьяк Аптекарского приказа. В числе полутора тысяч отличившихся при обороне Москвы от поляков в 1618 году получил от царя-государя землицу в нынешней Вологодской области, где с тех пор его потомки и обитали. Иван, правда, никак не мог взять в толк, почему это они, потомки дьяка, со временем превратились в обычных крестьян. Племянница даже уверяла, что поскольку Потёмкиных в те времена было немного, то они светлейшему князю точно какая-нибудь дальняя родня. Иван, впрочем, ничего ни благородного, ни тем более княжеского в себе никогда не ощущал.

Майор Потёмкин посмотрел на бутылки, стоявшие на вагонном столике — все были пустые, — и стал одеваться. Сосед его, капитан Евстигнеев, продолжал храпеть с верхней полки, другой попутчик — мясистый кубанский казачина, ехавший по делам в Москву, — проснулся.

— За пивом, майор? Купи и мне пару...

Иван вышел в тамбур. Проводница прижала его к стене вагона своим огромным задом, принимая вёдра с помидорами от такой же доброй торговки.

— Дяденька, купите горячей картошки с укропчиком и с малосольными огурчи-

ками, — протянул мальчишка тарелку Потёмкину.

Завидев потенциального покупателя, к дверям вагона сбежалась толпа человек в двадцать. Все они наперебой, мешая друг другу, совали Потёмкину свои вёдра. Оказались в толпе и несколько его возраста мужиков, тоже с кошёлками.

— Неужели другой работы у вас нет, что бегаете сюда, да ещё в такую рань, торговать? — спросил Иван одного из них.

— Да какая у нас тут работа, — замялся мужик. — Шахту давно закрыли...

— А ты попробуй, военный, на мою пенсию прожить! — закричала вдруг тётка в старом цветастом платке.

Толпа завелась быстро. Наперебой кричали, что работы нет, пенсии нищенские — «Ну не воровать же идти на старости лет!» — да и яблок с огурцами нынче — самим столько не съесть.

— Так требовали бы от властей, чтобы порядок наводили! Вы же народ! — завёлся и Иван. — Нехрен было выбирать кого ни попадя!

И осёкся: он же сам защищал эту власть в девяносто третьем. Тогда польстился на обещание квартиры и согласился сесть в танк.

Стрелял по Белому дому, стараясь, правда, не смотреть на чёрные клубы дыма из окон.

Когда командир полка показал им перед штурмом фотографии баркашовцев с вроде как даже свастикой на нарукавных повязках, маршировавших у Белого дома, Иван обомлел: «Дед с такими же воевал, ногу потерял, и опять власовцы, да где — в России!» А после стрельбы, когда увидел, как рослые, похожие на американцев омоновцы, подгоняя дубинками, заталкивали в автобусы пленных из этого Белого дома, обычновенных парней и мужиков в штатском, казнился: «Ведь свои же люди, русские, неужели нельзя было миром им мозги вправить?..»

Незадолго до этих событий он в выходной специально съездил из гарнизона в Москву, в штаб баркашовцев, — связался по контактному телефону, наклеенному на столбе. Неприятно поразила его тогда одна деталь: ноги у двери надо было вытираять об израильский флаг. Иван переступил через этот заляпанный грязью флаг. «Как-то это не по-русски. Хотя и чужое государство, но надо же уважать их флаг, тем более что с нами оно не воюет».

Баркашовцы, все почему-то похожие на «дедов» перед дембелем, ему в ту короткую

встречу не понравились — одни разговоры про сионистский заговор... «У нас и своих дураков хватает, нечего наш бардак на происки каких-то заморских врагов списывать...» — решил тогда Иван.

Толпа у вагона, оказавшись без покупателей, явно была настроена на продолжение политической дискуссии.

— Вот ты бы и вёл нас тогда на Москву! — робко, но громко крикнул кто-то из мужчин.

— Да какие из вас, на хрен, вояки... — ответил Иван. — С кошёлками...

И только тут заметил в толпе двоих милиционеров.

— Это кто же здесь такой Стенька Разин выискался? — ухмыляясь, спросил один из них, загорелый и мордатый старший лейтенант. И со злостью: — По какому случаю митинг?

Толпа стала торопливо и молча рассасываться.

— По случаю необходимости покупки пива, — с неприязнью ответил Иван и протянул тётке у вагона деньги. — Шесть бутылок.

Старлей недобро посмотрел на Потёмкина. Впереди натужно и тоскливо загудел тепловоз, и состав медленно стал набирать ход.

Иван поставил бутылки с пивом на стол. Казачина любовно резал своё сало большими, но аккуратными кусками.

— И чего они там гутарили про политику? — спросил он Ивана.

— Да предлагали мне на Москву их вести, — просто и грустно ответил Иван.

— «На Москву», — передразнил казак. — А я вот у себя в станице половину бы перестрелял.

— Это за что ж так? — оторопел Иван.

— А красюки все... — спокойно ответил казак, отрезая ломоть от каравая.

Кровь ударила Ивану в голову. «Красюки!» В памяти вспыхнул рассказ деда, когда он его в детстве в бане спросил, откуда эта пулевая отметина почти под сердцем. «Да это ещё в двадцатом казак один подстрелил». В Гражданскую деда, тогда девятнадцатилетнего вологодского паренька, мобилизовали красные, и попал он на деникинский фронт, под беспощадные казацкие шашки.

— Так с меня, может, и начнёшь? — едва сдерживая бешенство, спросил Иван.

— А ты из коммуняк, что ли? — спросил казак, сжимая нож над салом.

— Эй вы, кончайте этот базар! — свесил голову с полки Евстигнеев.